

РАССКАЗЫ М.А. ШОЛОХОВА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА¹

(Los cuentos de M. A. Sholajov como fuente para el estudio de la lengua
de los cosacos del Don)

Елена С. Рудыкина
Волгоградский государственный университет (Россия)

Elena S. Rudykina
Universidad Estatal de Volgograd (Rusia)

ISSN: 1698-322X

Cuadernos de Rusística Española, 4 (2008), 69-76.

RESUMEN

En el artículo se examina el funcionamiento de los léxicos dialectal y general del idioma ruso en el relato de M.A. Sholajov “Najalenok”, escogido en calidad de material para la investigación. El análisis ha demostrado que los léxicos dialectal y general del idioma ruso son partes integrantes del espacio artístico de las obras de M.A. Sholajov y constituyen un aspecto indispensable para la interpretación de los textos por parte de los portadores de la información cultural de carácter nacional de los cosacos del Don. La investigación llevada a cabo permite afirmar que las unidades léxicas examinadas se utilizan en la obra para la caracterización del paisaje, la descripción de la naturaleza, las dependencias, los objetos de uso corriente y las particularidades de las acciones de los personajes, lo que refleja el sistema de valores materiales y espirituales en la cultura del cosaco. El estudio de la lengua de este tipo de textos artísticos proporciona material para la reconstrucción de los fragmentos que conforman la visión lingüística del cosaco del Don, así como permite la interpretación de los procesos activos que ocurren en las hablas del Don.

Palabras clave: texto artístico, léxico dialectal, léxico general, idioma ruso, hablas del Don.

РЕЗЮМЕ

В статье исследуются функционирование диалектной и общерусской лексики в рассказе М.А.Шолохова «Нахаленок», выбранного в качестве материала для научного анализа. Анализ языкового материала показал, что общерусская и диалектная лексика являются неотъемлемой частью художественного пространства произведений М.А. Шолохова и носителями национально-культурной информации о донском казачестве. Проведенное исследование позволяет говорить о том, что рассматриваемые языковые единицы используются в произведении для характеристики донского ландшафта, для описания природы, для обозначения хозяйственных построек, предметов быта, для характеристики действий персонажей, что отражает систему ценностей материальной и духовной культуры казака.

1. Исследование проводится в рамках гранта РГНФ № 07-04-20401 а/В при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Администрации Волгоградской области.

Изучение языка таких художественных текстов дает материал для реконструкции фрагментов языковой картины мира донского казака, а также для осмысления активных процессов, происходящих в донских говорах.

Ключевые слова: художественный текст, диалектная и общерусская лексика, донские говоры.

Исследование произведений художественной литературы, использующей «все многообразие средств общенародного языка с целью усиления воздействия на читателя»¹, отражающей языковые традиции настоящего и прошлого, является актуальным для осмысления процессов, происходящих в говорах². Особый интерес для диалектологов представляет творчество писателей, концентрирующих свое внимание на изображении определенной местности и людей, ее населяющих, так как «язык произведений писателя, биографически связанного с краем, не только дает представление о месте региональных языковых особенностей в системе русского языка, но и ориентирует восприятие личности в обновленном социуме на постижение образов «малой» родины как микромоделей мира с двух полноценно значимых сторон: как уникальной территории, местности, отличающейся от других земель, и как части целой страны»³.

Изучение литературного наследия М.А. Шолохова, его произведений о непростых судьбах донских казаков, необходимости сделать нравственный выбор в трагических обстоятельствах и стремлении остаться при этом человеком обусловлено интересом к языку казачества как особого самобытного этноса россиян. Отдельного рассмотрения требуют донские рассказы, написанные с 1924 по 1927 годы, в которых автор стремился описать события Гражданской войны на Дону, противоборство между «отцами» и «детьми», красными и белыми, казаками и «иногородними»⁴. Источником для данного исследования послужил рассказ «Нахалёнок»⁵, входящий в состав названного цикла.

В основе сюжета рассматриваемого произведения лежит рассказанная автором история, описывающая детство маленького деревенского мальчика Миши Коршунова, который мечтает встретиться с Лениным, участвует в станичных выборах, переживает смерть отца, убитого белыми, старается изо всех сил помочь большевикам.

За то, что мать родила его невенчанной девушкой, в станице Мишу зовут нахалёнком. Нахалёнком у казаков называют внебрачного ребенка (СДК, 314). По словам автора, «для отца он – Минька» (с. 304); «для матери – Минюшка» (с. 304), с нежностью и беспокойством обращается к сыну мать: – *Минюшка, сыночек, что ж ты спишь?* (с. 300); – *Не ходи, Минюшка, далеко в хлеба, а то заблудишься!..* (с. 309). Дед кличет проказника-внука в ласковую минуту – *пострелёныш*, в остальное время, желая наказать его за проделки, обращается к своему любимцу по имени и отчеству, подчеркивая его взрослость: – *А ну, иди сюда, Михайло Фомич, я тебе полохану по тем местам, откель ноги растут!* (с. 300); *Эй, Михайло Фомич, иди, я тебе уши оболтаю!* (с. 304).

Специфика использования обращений в произведениях М.А. Шолохова отличает яркий индивидуально-авторский стиль этого художника слова⁶. Так, в анализируемом рассказе встречаются обращения, которые характеризуют адресата с точки зрения степени родства, так как в центре внимания автора находятся взаимоотношения между самыми близкими людьми, разрушенные трагическими

событиями, происходящими на Дону. Для обращения к отцу используются имена существительные: *батя, батянька*; к матери: *мамка, маманька*; к сыну: *сынок, сыночек, сынушка*; деду: *дедушка, дедуня, дедунюшка*; внуку: *внучек*. Кроме того, обращения указывают на возраст и пол собеседника (*деточка, малец, малыш* и др.). Характерной особенностью идиостиля М.А. Шолохова, что нашло отражение в анализируемом тексте, является преимущественное употребление в качестве обращений не ономастических единиц, что традиционно для русской классической художественной литературы XIX–XX веков, а нарицательных. Национально-культурную специфику русского словообразования при этом отражают суффиксы субъективной оценки, имеющие различные оттенки значений. Обращение выражает отношение говорящего к адресату (*дурашка, поганец, шпанёнок* и др.). Отмечены факты использования эмотивов-обращений, возникших в результате вторичной номинации, путем метафорического переноса (*голубь мой, пистолет* и др.). Особую группу составляют специальные формулы типа *товарищ, гражданин (гражданка)*, характерные для послереволюционного времени и использующиеся в текстах либо в качестве нераспространенных обращений либо в сочетаниях, а также форма вежливого обращения дореволюционной эпохи, которая возрождается сейчас: *господа*. Так, например, попадья, как было принято раньше, обращается к красноармейцам, которые хотят забрать припрятанную пшеницу, желая угодить им: *Я вас уверяю, господа, что подпола у нас нет!* (с. 318).

Писатель с любовью описывает своих героев: *Мишка собой щуплый, волосы у него с весны были как лепестки цветущего подсолнечника, в июне солнце обожгло их жаром, взлохматило пегими вихрами; щеки, точно воробьиное яйцо, исконопатило веснушками, а нос от солнышка и постоянного купанья в пруду облупился, потрескался шелухой. Одним хорош колченогенький Мишка – глазами* (с. 304). Понимание имени прилагательного *колченогенький* («хроменький» (СД, II, 143)⁷ позволяет представить образ маленького мальчика. Самым важным человеком в жизни Миши является его отец – бывший пастух Фома Коршунов, которого он описывает так: *«у отца рыжие усы затопорщились над губой, как сибирьки, из каких маманька веники вяжет, а под усами смешно шлепают губы и рот раскрыт черной дыркой»* (с. 307). Обращение к диалектным словарям дает возможность уточнить семантику имени существительного *сибирьки*, образованного от слова *сибирёк* – «чилига степная», низкое растение в донских степях, которое используют для плетения веников (СДК, 483).

Как показал анализ языкового материала, «стиль автора почти целиком движется в сфере литературной речи»⁸, художественное повествование отличается наличием слов различной частеречной принадлежности, составляющих общерусский лексический фонд и одновременно словарный состав любого территориального диалекта (например: *очки, левый, снится, скоро, ты* и др.). Для создания индивидуальной речевой характеристики казаков автором употребляются разговорные слова, которые используются в сниженном стиле, в обиходной, бытовой речи (*струхнуть* – «струсить» (ТСРЯ, IV, 568); *нынче* – «сегодня» (ТСРЯ, II, 605) и др.). Кроме того, в повествовании встречаются также просторечные языковые единицы (*переть* – «идти» (ТСРЯ, III, 214); *сцанать* – «взять, схватить» (ТСРЯ, IV, 613), *ухлопать* – «убить» (ТСРЯ, IV, 1030) и др.).

Особый интерес представляют языковые единицы, содержащие национально-культурный компонент значения, которые являются носителями лингвострановедческой

информации. Прежде всего, это слова, связанные с обозначением традиционных форм казачьей жизни. Действия рассказа происходят в одной из донских казачьих станиц: *Солнце село, по станице прошел табун, улеглась пыль, и с почерневшего неба застенчиво глянула первая звездочка* (с. 307). После захвата станицы белыми Мишка на лошади отправился в соседний населенный пункт – хутор Пронин: *Посажу я тебя, внучек, верхом, и езжай ты с богом на хутор Пронин...* (с. 322). Имена существительные *станция* в значении «большое казачье селение» (ТСЯ, 762) и *хутор* в значении «село, деревня; обычно с казачьим населением» (ДС, 366) стали достоянием литературного языка. Первоначально слово *станция* не обозначало населенный пункт; оно называло объединение казаков: семей, родов или племен. И до сих пор казаки, занесенные в недобрые времена далеко от родных мест, свои землячества, возникшие в местах нетрадиционного проживания, именуют станицами. Так, известны Пражская, Монреальская, несколько парагвайских и австралийских станиц, станицы в Болгарии, Аргентине и Бразилии, Канаде⁹. Станция была традиционно больше хутора по территории и численности населения, ведь издавна казаки получали земельные наделы далеко от станиц, переселялись в хутора. Кроме того, жительница хутора Озёрки Иловлинского района Волгоградской области Горбачева Евдокия Федоровна, 1915 года рождения, пояснила нам, что в станице обязательно должна быть церковь. Если же церковь по каким-либо причинам была разрушена, то станция переименовывалась в хутор. Так, например, и произошло со станицей Каргинской Иловлинского района, которая была переименована в хутор Стародонской. В станице, по словам казачки, был обязательно станичный атаман, которому подчинялись все хуторские атаманы. Правда, если хутор был старше станицы, то станичный атаман приезжал к хуторскому с поклоном.

Интерес вызывает употребление в рассказе общерусской лексики природы, описывающей ландшафт донских степей: *Вот в бугор пошла балка, над ней езжай, никуда не свливай!* (с. 322); *На дне балки звенит родниковая вода* (с. 322); *Балка ползет в гору, спускается, опять ползет в гору* (с. 323). Обращение к словарям позволяет уточнить семантику имени существительного *балка*, использующегося в значении «пологий овраг, поросший травой, кустарниками и т.п., сухой или с ручьем» (СДК, 34). Такое описание природы дает автор, повествуя о пути Мишки из своей станицы, захваченной бандой, к отряду красных.

Обширный пласт общерусской лексики используется М.А. Шолоховым при характеристике материальной культуры жителей казачьих станиц. В частности, основные события в жизни главных героев рассказа – Миши Коршунова, его родителей и деда – проходят в доме. Как показывают исследования ученых, дом в языковом сознании русского человека – это неотъемлемая часть его жизни, образ того мира, в котором протекает жизнь человека от рождения до смерти. Характерно, что именно дом является для русского человека символом семьи, благополучия, богатства, средоточием семейных традиций¹⁰. Для наименования деревянного крестьянского дома в рассказе используется имя существительное *хата*: *Посреди хаты стряхнул чужой человек мамку с шеи да как гаркнет...* (с. 300). Хаты могли быть плетневые, камышовые, саманные, мазанки, битые, земляные, бревенчатые, из дикого камня. Как свидетельствуют наблюдения ученых, у донских казаков бытовало несколько жилищных терминов, что было связано с различными путями колонизации донских земель (на севере и в среднерусской полосе России наиболее распространенным был термин *изба*, в южнорусских областях и на Украине – *хата*)¹¹.

Все основные семейные события в рассказе происходят в горнице: *Тут и вовсе пошло развеселье: посадил отец Мишку верхом к себе на шею, за ноги держит и по горнице кругом, кругом, а потом как взбрыкнет, как заржет по-лошадиному, у Мишки от восторга аж дух занялся* (с. 301). Самым чистым, парадным помещением, в котором казаки принимали гостей, была горница¹². Для обозначения верхней части строения жилого помещения слово *горница* было известно с XV века (СРЯ, 4, 88). В современном русском литературном языке это значение является устаревшим, как областное характеризуется значение «чистая половина крестьянской избы» (ТСЯ, 139). В говорах лексема *горница* употребляется для наименования верхней комнаты в двухэтажном крестьянском доме, а также называет летнее неотапливаемое помещение, представляющее собой часть крестьянского дома или отдельное строение и служащее спальней и хранилищем домашних вещей (СРНГ, 7, 47). В.И. Даль замечает, что «налево из сеней обычно изба, направо горница, без полатей и без голбца, и печь с трубой или голанка» (СД, I, 376). В приведенном предложении из рассказа рассматриваемое слово используется в характерном для донских говоров значении «лучшая, парадная комната в казачьем доме, зал» (СДВГ, I, 379).

Весь мир разделился для Мишки на хату, где его любят, и другой, чужой мир, где над ним смеются, «за плетнём»: *У огородного плетня остановился, крикнул, грозя поповичу кулаком: – Вот спрошу у дедушки. Коли брешешь – не ходи мимо нашего двора!* (с. 302). *Плетень* – «изгородь из сплетенных прутьев, ветвей» (СДВГ, 4, 240) – был неотъемлемой частью казачьей усадьбы. Плетень делали из хвороста, за ним тщательно следили. Котельникова Ольга Яковлевна, жительница станицы Голубинской Калачёвского района Волгоградской области, 1930 года рождения, рассказала нам, как казаки закручивали плетень проводом: *Ну, провод, закручивают там: «Приклячить плетень»*. Глагол *приклячить* означает у казаков «привязать, прикрепить при помощи кляча» (СДВГ, 4, 442).

Описание повседневной жизни станицы было связано с хозяйственной деятельностью казаков. Так, нужным и важным в каждой казачьей станице, каждом хуторе было *гумно* – «то же, что ток. Место, где молотят хлеб» (ДС, 73): *Мишка карточку под рубаху жмет, мимо матери на гумно, под амбар юркнул* (с. 313), а также *ветряк* – «мельница» (СДК, 74): *Собачий лай ближе, видны на пригорке очертания ветряка* (с. 323). В процессе анализа необходимо обратить внимание на семантику имени существительного *амбар*, которое в словарях современного русского литературного языка толкуется как «строение для хранения зерна, припасов, вещей или товаров» (ТСРЯ, I, 32). Под амбаром Мишка хранил свои самые ценные вещи, в частности, фотографию Ленина, которую ему подарил пришедший к ним большевик.

Главной заботой казака, его достоянием был конь. Столетиями как величайшую ценность казаки пригоняли из всех походов самых дорогих и резвых коней и улучшали умелым коневодством местные породы. Не только в каждой станице были свои табуны, но и каждая семья имела своих коней. Казаки так отзывались о конях: *Конь казаку – отец, да и то отец один раз жизнь дает, а конь сто раз жизнь спасает*. Так, жизнь Мишке спас его верный конь Савраска: *Савраска захрипел, стал в дыбки и грузно повалился на правый бок* (с. 323). Устойчивое сочетание *стать в дыбки* в приведенном предложении толкуется как «подняться на задние ноги, стать на дыбы (о лошади)» (СДК, 509). Часто и умирал казак на поле боя в седле. Жительница станицы Голубинской Калачёвского района Волгоградской области

Анна Павловна Рукосуева, 1930 года рождения, рассказала нам, как конь привез с поля боя ее убитого деда: *Харанили иво с почистями, канешна. Иво привизли в Виртачиј, харанили. Лошадь иво вили. И салдаты саправаждали*¹³.

Отдельную группу составляет диалектная лексика, использование которой связано с интенцией писателя – познакомить читателя с донским казачеством, своеобразными характерами казаков, их культурой и самобытными традициями. Основные события рассказа передаются посредством диалектных глаголов различной лексико-семантической отнесенности: *отбуздать* – «побить, отколотить» (СРНГ, 24, 123), *полохануть* – «ударить с силой, стукнуть» (СДВГ, 4, 343) и других. Как правило, они связаны с описанием процесса воспитания непоседливого мальчика, который то катался на супоросой («с приплодом» (СД, IV, 361) свинье, то самовольно пошел на собрание, то рассказал солдатам, где у попа хранится хлеб. Мальчика в казачьей семье воспитывали очень строго, ведь он должен был стать будущим воином.

В художественном пространстве рассказа важной является прямая речь персонажей, раскрывающая внутренний мир казаков, в связи с этим широкой употребительностью в исследуемом тексте отличаются глаголы речевой деятельности, характеризующие процесс говорения. Особое внимание обращается на функционирование ядерного глагола *гутарить*, который вошел в состав общенародного языка и получил в словарях фиксацию «областное». Авторы словаря русских народных говоров отмечают, что рассматриваемое слово имеет значение «дружески беседовать, разговаривать между собой; говорить, рассказывать что-либо» (СРНГ, 7, 250). Данная языковая единица вступает в синонимические отношения с глаголами *говорить*, *беседовать*, *болтать*, *калякать*, *разговаривать* (СД, I, 411). В тексте у лексемы *гутарить* отмечено значение «говорить» (СДК, 124) в разговоре Мишки с отцом: *А ребята... ребята гутарят, что ты там только вишей убивал* (с. 306). Среди глаголов речевого действия представлен в исследуемом тексте глагол *переказать* (*переказывать*), который характеризуется как многозначный (СРНГ, 26, 116). В рассказе анализируемая лексема используется в значении «сообщить» (СДК, 360) в обращении Мишки к соседке Анисимовне с просьбой передать родственникам, что он уходит на службу: *Перекажи нашим, чтоб обедали без меня* (с. 317).

Особую группу составляет лексика питания, ведь за столом всегда собиралась вся казачья семья, обсуждались семейные дела. Кроме того, казаки всегда отличались гостеприимством по отношению к милым их сердцу людям. Так, для наименования процесса приема пищи, приуроченного к вечеру, в рассказе в разговоре Миши с матерью употребляется диалектно-просторечный глагол *вечерять* в значении «ужинать» (СДК, 75): – *Скоро вечерять будем?* – *Успеешь, непоседа, оголодал!..* (с. 307). Пища казаков в те тяжелые годы, как свидетельствует рассказ, была незамысловатой: *За ужином кое-как наспех поглотал хлёбова и – опрометью в горницу* (с. 307). Диалектно-просторечное имя существительное *хлёбово* означает «похлебку, варево, горячее» (СД, IV, 549).

Неповторимый колорит казачьей речи придают наречия, характерные для донских говоров: *вчера* – «вчера» (СДК, 92); *дюже* – «очень, сильно» (СДК, 146), *зараз* – «сейчас, тотчас» (СДК, 178), *нехай* – «пусть» (СДК, 321), *откель* – «откуда» (СДК, 346) и другие.

Таким образом, анализ языкового материала показал, что общерусская и диалектная лексика как неотъемлемая часть художественного пространства

произведений М.А. Шолохова является носителем национально-культурной информации о донском казачестве. Проведенное исследование позволяет говорить о том, что рассматриваемые языковые единицы используются в произведении для описания внешности героев, характеристики донского ландшафта, природы, служат для обозначения хозяйственных построек, предметов быта, характеристики действий персонажей, что отражает систему ценностей материальной и духовной культуры казака. Изучение языка таких художественных текстов дает материал для реконструкции фрагментов языковой картины мира донского казака, а также для осмысления активных процессов, происходящих в донских говорах.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ЛОПУШАНСКАЯ, С.П. (2001): «Общенародный русский язык», *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2. Языкознание. Вып. 1. с.16
- РУДЫКИНА, Е.С. (2008): «Художественная проза как источник для изучения диалектной лексики донских говоров», *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2. Языкознание. № 1 (7). С. 17–21.
- ТУПИКОВА, Н.А (2002): «Характерологическая функция именной и глагольной лексики в рассказах Е.А. Кулькина», *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2. Языкознание. Вып. 2. . С. 47.
- См.: РУДЫКИНА, Е.С. (2007): «Функциональная семантика диалектных глаголов речи в донских рассказах М.А. Шолохова». В кн.: *Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов [Текст]*. Волгоград, . С. 279 – 285; МАСЛОВА, И.Б., РУДЫКИНА, Е.С. (2007): «Функциональная семантика обращений в донских рассказах М. Шолохова» , *Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*. №1. С. 30 –35.
- ШОЛОХОВ, М.А. (1986): «Рассказы». В кн.: *Собрание сочинений. В 8-ми т.* Т. 7. Москва. С. 300–324.
- См.: МАСЛОВА, И.Б., РУДЫКИНА, Е.С. (2006): «Функционирование обращений в рассказах М. Шолохова». В кн.: *Функциональная семантика, семиотика знаковых систем и методы их изучения. I Новиковские чтения: Материалы Международной научной конференции (Москва, 5–6 апреля 2006)*. Москва. С. 220–223.
- В статье использовались данные словарей: ДС – МИРТОВ, А.В.(2006): *Донской словарь*. Волгоград, СД – ДАЛЬ, В.И. (1989-1991): *Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т.* Москва, СДВГ – *Словарь донских говоров Волгоградской области / Под ред. Р.И. Кудряшовой* (2006) Вып.1. Волгоград; СДВГ – *Словарь донских говоров Волгоградской области / Под ред. Р.И. Кудряшовой* (2007) Вып. 4. Волгоград; СДК – *Большой толковый словарь донского казачества* (2003). Москва; СРНГ – *Словарь русских народных говоров* (1972). Вып. 7. Л., *Словарь русских народных говоров* (1989) Вып. 24. Л.; *Словарь русских народных говоров* (1991) Вып. 26. Л.; СРЯ – *Словарь русского языка XI–XVII вв.* (1977). Вып. 4. М.; ТСРЯ – *Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова.*(1996). М.; ТСЯ – ОЖЕГОВ, С.И., ШВЕДОВА, Н.Ю. (1997): *Толковый словарь русского языка*. М..
- СТЕПАНОВ, А.В. (2000): «Стиль Михаила Шолохова», *Русский язык в школе*. М. С. 68.

- См.: «Городок, станица, хутор...» В кн.: *Казачи / Под ред. Б.А. Алмазова*. СПб., 1999. С. 36–37.
- ВЕНДИНА, Т.И. (2002): «Диалектное слово в парадигме этнолингвистических исследований». В кн.: *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования 1999)*. СПб. С. 13.
- РЫБЛОВА, М.А.(2002): *Традиционные поселения и жилища донских казаков*. Волгоград. С. 184.
- РУДЫКИНА, Е.С.(2008): «Наименования жилых помещений в донских говорах». В кн.: *Теоретические и лингводидактические проблемы исследования русского и других славянских языков*. Волгоград. С. 219 – 225.
- РУДЫКИНА, Е.С., ДМИТРИЕВА, Е.Г. (2005): *Речь жителей казачьего края [Текст]*. Волгоград. С. 63.